

Ж.В. Бурцева

DOI: 10.25693/SVGV.2020.01.30.16

УДК 398.221(571.56)

Путевой очерк Тэки Одулока «На Крайнем Севере»: проблемы жанра и литературного картирования

Статья посвящена первому путевому очерку зачинателя юкагирской литературы Тэки Одулока «На Крайнем Севере», в котором отчетливо проявляется картирующая функция, так как текст написан по следам реального путешествия, сформировавшего ранние традиции геокультурного описания образа Крайнего Севера как обособленного культурно-географического региона. Это один из первых опытов документально-художественной путевой прозы, композиционно построенной по модели путевого дневника, что позволяет охарактеризовать его как жанровую форму травелога.

В статье впервые рассматриваются характерные черты травелога с точки зрения жанрового своеобразия и как уникального источника информации о пространственных образах территорий, о культуре и жизни народов Севера в самых разных формах и проявлениях (этнографическом, историческом, социальном, ценностно-философском и др.). Наблюдения, сделанные автором в процессе поездки, опираются на его собственные внутрен-

© Бурцева Ж.В., 2020

ние культурные традиции как представителя народов Севера, что позволяет нам уловить и зафиксировать процессы мифологизации пространства.

Ключевые слова: путевой очерк, литература путешествий, травелог, литературное картирование, литература малочисленных народов Севера Якутии, юкагирская литература, образ Крайнего Севера, жанр, образ пространства

Проблемы конструирования образа территории, взаимодействие географического пространства и литературного текста на сегодняшний день представляют большой интерес в гуманитарной сфере знаний. Цель настоящей статьи состоит в выявлении жанрового определения путевого очерка Н.И. Спиридонова-Тэки Одулока «На Крайнем Севере», написанного по материалам экспедиций 1925–1928 гг., а также его структурно-семиотических признаков и прагматической функции картирования местности, что не было предметом специального изучения. В контексте территориальной и этнокультурной специфики литературы малочисленных народов Севера Якутии можно выделить общность интерпретирующего кода (связывающего данный локальный текст), который заключается в реализации уникального Локального Мифа о Крайнем Севере в разнообразии и многообразии индивидуально-авторских представлений. Отсюда характерной особенностью является репрезентация наиболее частотных и художественно значимых пространственных образов, которые соотносимы с реальными географическими местами и природными ландшафтами (топосы тундры-авлан (колымской, алазейской и др.), тайги, реки, гор, кочевых тропинок, замерзшего моря, скал-кадары, каменных скал-тонмэй, озер), а также метафизического пространства (топосы края земли, полюса холода, вечной мерзлоты, арктических широт, бесконечность топоса тундры). Это позволяет говорить об особом дискурсе географического северного нарратива литературы малочисленных народов Севера Якутии, имеющем внутреннее единство концептосферы и систему внутри- и внетекстовых связей.

В истории формирования и освоения образа Крайнего Севера и жизни коренных малочисленных народов Севера путевой нарратив, созданный Тэки Одулоком, представляет собой первую попытку целостного пространственного описания Крайнего Севера как региона со своим уникальным укладом жизни. Традиция путе-

вых очерков Тэки Одулока «На Крайнем Севере» была продолжена путевыми заметками «Хай!» Николая Курилова (1997) из дневника путешествия автора к североамериканским индейцам.

В наибольшей степени функция литературного картирования местности реализуется в литературе путешествий, которая является не просто тематическим разделом литературного процесса, а особой формой литературы [Текст и карта ..., 2016]. Художественный текст травелогов, как правило, реализует одну из своих главных задач – отражать и структурировать действительность, поэтому он характеризуется документальностью и достоверностью. Вследствие этого проблематика, связанная с вопросами изучения жанрового, типологического, сюжетного, топологического и временного диапазона литературы путешествий, вызывает огромный научный интерес. Исходя из размышлений В.В. Абашева и А.В. Фирсовой, связывая сюжет, события и персонажей произведения с реальным местом, описывая его знаково-символическое содержание, какие-то таинственные детали, писатель по-новому структурирует его, наделяет новыми смыслами, передает месту новую событийность [Абашев, Фирсова, 2010]. Так, литературное картирование как одна из методик дает представление о карте как имплицитном плане содержания литературного произведения. Расширяется представление о текстуализации пространства как специфической форме репрезентации культурной и локальной идентичности [Милогина, Строганов, 2012]. Развивая теорию имагинальной географии, Д. Замятин подчеркивает, что в содержательном плане наиболее продуктивно использование понятия географического образа совместно с понятиями когнитивно-географического контекста и локального (регионального, пространственного) мифа [Замятин, 2010].

Рассматривая понятие «травелог» в литературе путешествий, исследователи понимают его как вид документальной литературы, объединяющий

различные жанры (служебный отчет, дорожный журнал, научный отчет об экспедициях, путевой дневник, путевой очерк, путевые записки, письма, мемуары, очерки и пр.). Согласно определению В.М. Гуминского, путешествие само по себе представляет собой литературный жанр, «в основе которого описание путешественником (очевидцем) достоверных сведений о чем-либо, в первую очередь, незнакомых читателю или малоизвестных странах, землях, народах в форме заметок, записок, дневников, журналов, очерков и мемуаров. Помимо собственно познавательных, путешествие может ставить дополнительные – эстетические, политические, публицистические, философские и другие задачи» [Гуминский, 2017]. Обосновывая признаки, характеризующие травелог как особый вид текста, Е.Р. Пономарев подчеркивает его метатекстуальность [Пономарев, 2013]. М.В. Строганов и Е.Г. Милюгина разделяют травелог и литературу путешествий на теоретических основаниях, связанных с природой текста [Милюгина, Строганов, 2013].

Таким образом, исследуя типологию путевого очерка Тэки Одулока, мы будем считать его одной из нарративных моделей травелога с главенствующим документальным началом. Познавательно-исследовательский характер путевого очерка связан с научной деятельностью автора, при этом в тексте наблюдается расширение пространства за счет его метафоризации и контекста его интерпретации.

Находившийся в 1925 г. на учебе в Ленинграде Н.И. Спиридонов-Тэки Одулок активно участвовал в этнографических экспедициях по изучению северных народов, сотрудничал с созданным при ВЦИК СССР в 1924 г. Комитетом Севера (так называемый «Комитет содействия народностям северных окраин») и Комиссией по изучению племенного состава СССР. По сведениям М.В. Осиповой, которая представила ранее не публиковавшиеся материалы из архива Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова, поездка Н.И. Спиридонова к юкагирам Колымы представлена как самостоятельная, организованная по инициативе Хабаровского краевого музея, который выделил средства на закупку экспонатов [Осипова, 2017]. Далее Осипова приводит отчеты Н.И. Спиридонова из архивных источников. Согласно же сведениям

А.А. Сулейманова, Н.И. Спиридонов стал внештатным участником Якутской комплексной экспедиции Академии наук СССР 1927–1929 гг. под руководством Д.Д. Травина [Сулейманов, 2014]. Однозначной информации в научной литературе не имеется, в каких именно экспедициях на Чукотку и Колыму участвовал Н.И. Спиридонов, которые впоследствии послужили основой для написания путевых очерков и повести «Жизнь Имтеургина старшего».

Прослеживая путевой текст Тэки Одулока, являющийся результатом наблюдений автора-путешественника, а также маршрут, выстроенный в хронологическом порядке в соответствии с целью путешествия, как главную ось, организующую пространство путешествия, мы можем констатировать конкретные географические точки остановок и время пути между ними. Описание образов пространств напрямую зависит от направления движения и фокусных точек маршрута. Начало пути датировано 1925 г. Из очерка известно, что писатель передвигался сперва на пароходе «Колыма» по Северному Ледовитому океану до мыса Дежнева, затем – на шхуне «Нанук» Олафа Свенсона (1883–1938), торговца пушниной с Сизтла, авантюриста и путешественника, чья активная деятельность прошла на Аляске и в Восточной Сибири в первой трети XX в. «Владелец шхуны, мистер Свенсон, его помощник и компаньон Поллюстер и капитан шхуны, главным образом коммерсанты, нужно отдать справедливость – они отличные моряки, истинные морские волки Ледовитого океана», – пишет Тэки Одулок [Одулок, 1987, с. 116].

Шхуны «Елизиф» и «Нанук» Олафа Свенсона перевозили товары мистера Свенсона, которыми он по соглашению с правительством СССР, и с большой коммерческой выгодой для себя, снабжал советские фактории в устье Колымы. Из истории шхуны «Нанук» известны драматические события осени 1929 г., когда она прочно вмержает во льды в районе мыса Северный, и Свенсон, спасая добычу, собранную с арктического побережья Чукотки и Якутии, вывозит её при помощи американских летчиков; экипаж одного из них, Карла Бенджамина Эйельсона, погибает во время снежной бури. В своем очерке Одулок упоминает, что Свенсон «выкачал с наших берегов не одну сотню тысяч

рублей, эскимосских и юкагирских юрт, песцовых хвостов, бобровых мехов, медвежьих шкур, моржовых клыков и китового уса» [Там же, 1987, с. 116].

Итак, пространственно-временные рамки очерка определены линией маршрута, обозначенной заголовочными комплексами с фиксацией определенных топонимических объектов, названий территорий, областей, городов, сел, деревень, дорог, гидронимов и т.д. Способ освоения пространства опосредован способом передвижения, в данном случае – это корабль, обладающий особым метафорическим значением, восходящим к морским походам, борьбе со стихией, кругосветным путешествиям, географическим открытиям. Хронотоп пути, пространственно-географический топос «путешествия по Крайнему Северу» обозначен в структурообразующих заголовках, при этом Тэки Одулок также указывает на значимые элементы идейно-художественной организации травелога:

1. *От Ленинграда до Владивостока. Поездка по этому пути в 1925 году. Я пересекаю половину Европы и весь Азиатский материк – от Балтийского моря до Японского. Столица советского Дальнего Востока – Хабаровск, вторая столица – Владивосток. Контора Дальгосторга. Пароход «Колыма» – «ночной горшок морской ведьмы». Отплываем в дальний путь – в Ледовитый океан.*

2. *Камчатка. Столица полуострова – Петропавловск. Камчатские собаки. Пушные богатства округа. Оленеводство. Сельское хозяйство. Камчатская картошка вытесняет импортную – японскую.*

3. *Мыс Дежнев. Фактория АКО. Сходим с парохода «Колыма». «Колыма» уходит дальше, в Ледовитый океан. Чукчи. «Какой бедняжка». Одиннадцать обязанностей зава фактории. Спирт или стеклянные бусы? Столица – Уэллен. Первая чукотская школа. Первый учитель-комсомолец. Чукотская печка. Охота на моржа. Старик Эттаургин и его семья. Горное ущелье. Вершины горы. Затылочная кость. Морской промысел. Теннисные туфельки. Пудра и винтовки. Кожаная байдарка и китобойные пушки. Шхуна мистера Свенсона «Нанук». Снимаемся с якоря. Что-то нам готовит Ледовитый океан?*

4. *Устье реки Колыма. Блуждаем между наносными островами устья. Лоцман предлагает*

свои услуги. Лоцман завел нас в тупик. Наскочили на подводное бревно. Первое рыбацкое селение. Продукция рыбной торговли. Бывший город Пропадинск или Собачий острог. Местные власти и доктор. Великое сборище. Колымские власти едут встречать советский пароход «Ставрополь». «Спешите, остается мало времени!» Приключение катера. Авария речных судов. Колымские «Роста». Не архиерей ли виноват? Главки округа спасают положение. Купили новый катер. Пароход ушел. Ночь в Кульдино. Задева и пробка. 300 рублей золотом. Действия «толстомордого». Я покидаю Собачий остров.

5. *Город Среднеколымск. Округ в пять западно-европейских государств. История Колымска. История ссылки. Колымский край времен политических ссыльных. Возникновение города. Большой Пропадинск является тормозом в развитии края. Октябрь на Колыме. Антипины – купцы. Антипины – ревкомовцы. Бочкаревские банды. Порка первых заполярных комсомольцев. «Да будет благославлен Христос!» Расстрел бандами члена ревкома. События на Гнилой речушке. Советский отряд, прибывший из Владивостока, спасает Север. Дело адъютанта Афанасьева. Гибель отряда т. Светиса. Колымские будни.*

6. *Одулы реки Шаманкино. К верховьям реки Колыма. Зимнее сообщение. Снег. Первая ночь в снегу. Чамани-Унугис. Поздно ночью. Старик Хорини. «Хаха, мет калул!» Жуткая картина. Дело якутских охотников. Дорогие ремешки. Ужасы голода. Огонь. Ледяные сосульки.*

7. *Февраль. Кавказские мимозы и снежные метели. Река Колыма на 1400-м километре. Жизнь прибрежная и лесная. Один из опасных переходов. Ветры да снежная метель. Предательские места. Случай с лыжами. Крики. Катастрофа. Человек и топор. Ночевка на льду. Надо убавить багаж. Олени. Моховище.*

8. *Коркодонские одулы. Демоново гнездо. Бородатый великан и его желтолицая союзница. Порох, соболь и скелеты. Одул Коскан. Ловушки. «Не все ли равно, что будет?..». Спички, пятьсот костров... и тысячу рублей золотом. Дракон и ангел. Будут жить! Лицо района. Спящие перспективы.*

9. *Балыгычан. Река Шайдан ведет к Охотскому морю. Шайданские одулы. Ночь на пере-*

вале. Что такое трескучий мороз. 10 километров остается до «теплого» огня. Женщина в цивилизованных странах и на Севере у туземцев. Кабачан и его семья. Как Седар присвоил весь скот Кабачана. Пешком до юрты Седара. Первая песня в Колымском крае. Ночная ванна в снегу. Сын Бургачана. Три дочери Седара. Неудачливые женихи. Беру нового подводчика. Сын Седара. Девятизарядный американский винчестер и автоматическая винтовка. Восстание якутских кулаков в Оймяконе.

10. Путь от Балыгычана до Сеймчана. История Сеймчана. Питание и свет от Советского Дальнего Востока. Весна. Наста-старуха. Полярная история. Макар – сын Насты. Кюпкюй-ойун, незаконнорожденный Толон. Как отец Алексей «отпускал» грехи. Первое мая. Конец мая. Снежный блеск. Первый гусь. Идем на охоту. Картины оживления Севера. Как-то теперь одулы?

В этом произведении путешествие играет организующую роль, оно служит и темой, и сюжетом, и композицией, и даже целью и мотивом повествования. Текст построен по законам дневниковой нарративной композиции с документальными, публицистическими, научными, картографическими, этнографическими, историко-культурными, природно-климатическими, фольклорными, лирическими, мемуарными и автобиографическими элементами, значимыми структурными составляющими, такими, как заголовочный комплекс с описанием маршрута и основных тематических сведений, вставные композиционные элементы, портретные и пейзажные описания. Травелог как жанр подразумевает организацию пространства путешествия и времени в рамках хронотопа дороги, что позволяет осуществлять картирование посещаемых мест. Таким образом, в произведении реконструируется своеобразная карта местности, при этом, если в традиционном травелоге, как правило, описывается «чужое» или «внешнее» пространство, то в этом путевом очерке доминирующим является «свое», или «внутреннее», пространство, так как оно воспринимается автохтонным сознанием самого автора как носителя локальных мифов изображаемого пространства. Специфическая черта данного текста – это то, что в течение своего маршрута, являющегося и линией освоения пространства, и

удобным способом повествовательно-описательного принципа, сочленения непосредственных путевых уточнений относительно географических, экономических, этнографических данных, замечаний, впечатлений, философских размышлений, автор описывает именно внутреннее пространство Крайнего Севера с точки зрения как наблюдателя и путешественника, так и автохтона культуры и местного жителя, причем автор в тексте одновременно занимает центральный образ путешественника-исследователя с конкретной исследовательской целью и путешественника-популяризатора, занимающего позицию журналиста и выступающего субъектом повествования. Личный, автобиографический характер травелога, подлинность информации подчеркиваются также фактами из биографии: «Не раз она – моя мать – рожала прямо на снегу, в глухой пустынной тайге, надорванная тяжелой звериной жизнью. Не случайно же из одиннадцати детей нас осталось только четверо» [Одулок, 1987, с. 152]. Если говорить о геокультурной традиции путевых заметок начала XX столетия, то такие писатели, как А. Климов, С. Морозов-Уральский, И. Панов, М. Пришвин, К. Жакков, К. Носилов, П. Инфантьев, изображая и оценивая быт и нравы коренных народностей, создавали образ инородца севера Сибири и Урала, понимая его, прежде всего, как «другого».

Тэки Одулок представляет ландшафтные формы пространства в динамике как хронотоп путешествия и хронотоп дороги, и всякий раз с детальными географическими примечаниями, будь то Камчатка с ее «скалистыми утесами и каменными островками», Чукотская земля с ее «голой тундрой с сырыми моховищами да голыми холмами», устье реки Колымы с ее «пологим, тундристым берегом, где растет только мох-ягель да ползучий карликовый ерник», долины Колымы с ее «безлюдными, дикими местами, сплошь покрытыми лиственным лесом», верховья Колымы с ее «горами со снежными вершинами, в летнюю пору бесчисленным множеством ручьев, речек и рек, смешением растаявшего льда, земли и торфа», низовья Колымы с «обширным травяным и моховым болотом». В этой связи можно отметить, что всевозможные порождения оригинальных локальных или региональных мифов во многом имеют основание в географическом восприятии простран-

ства, в умении совершать «географическое путешествие». Так называемая «погруженность в ландшафт» [Сид, 2017] характеризуется личными взаимоотношениями автора с окружающей средой, причем в данном очерке создаваемый географический пространственный рисунок, культурные традиции и локальные мифы выражаются в определенной коммуникативной ситуации, в которой восприятие места происходит в некоем экскурсионном дискурсе. Географические места, описанные автором, фиксируют абсолютно новые данные, даже с точки зрения самих географических и историко-культурных сведений того времени, и этот процесс приводит к новой форме их бытования. Автор стремится сосредоточить свое внимание на уникальных, правдивых и более точных, именно ему важных особенностях этого пространства. Он пишет: «Эти – до сих пор еще неведомые европейским географам – горы, речки и озера – общее достояние нашей народности – одулов (юкагиров). Мы знаем не только каждую вершину этих гор, каждую ложбину и тропу, ведущую к ним; мы кочуем и охотимся по всем нашим рекам и речкам; пьем воду и ловим рыбу наших озер. Мало того, каждый лес, каждый островок, можно сказать, даже каждый кустик на этой территории являются вехами, указывающими нам путь» [Одулок, 1987, с. 98]. Автор одновременно репрезентирует и интерпретирует свою мифопоэтику и этнотопику пространства Крайнего Севера и его географических концептов.

Творческий метод Тэки Одулока исходит из реалистического, объективного восприятия жизни, как реакция на увиденное, поэтому он использует стилистический прием контраста как средства познания мира через соотношение противоположностей, создания образов героев и их противопоставления. Автор разделяет пространство на свое и чужое, он стремится подчеркнуть, что сущность и логика событий, которые характерны для его пространства, являются совершенно необъяснимыми и противостественными для другого. Иллюзия столкновения двух противоположных реалий дает возможность осознать информацию о жизни и быте других территорий. «Если ленинградский житель собирается съездить на несколько дней в Детское село, то у него одного набирается масса вещей. Всегда у него будут два-три ме-

ста: белье, умывальные принадлежности, книги, продукты и т.д. А если он захватит с собой жену, да еще с ребенком – пиши пропало. Чтобы попасть на вокзал, не хватит извозчика, влезть в вагон и вылезти из него – приходится нанимать носильщика.

А тут семья юкагира – целая семья – идет пешком на лыжах в глухую тайгу, погребенную под двухметровым слоем снега, где на тысячу километров в окружности нет ни одного живого человека. Вопросы существования связаны здесь с мертвой, ледяной природой, где в трескучие морозы человек – женщины, грудные дети, дряхлые старики – не видят огня и в снежную метель зарываются в снег. Кочующему человеку нужно много вещей и все это тащит на себе, проваливаясь в снег, падая и надрываясь, женщина» [Одулок, 1987, с.170].

Очерк Тэки Одулока наполнен описанием суровых условий жизни северных народов, изначально противоречивых в эмоциональном восприятии, предела человеческих и сверхчеловеческих возможностей в процессе выживания. С одной стороны – лютый холод, голод, болезни, непрерывные опасности, изнурительный труд ради выживания. С другой – даже в этих условиях жители Крайнего Севера, как подлинно героические, бесстрашные люди, смогли сохранить человеческий облик и доброту. «Приведенные картины нашей жизни, относящиеся к 1926 году, не вымысел, тем более не злой пессимизм или сознание безысходности нашего положения. Это куски жизни, отдельные целой картины. Я их привожу с единственной целью – показать читателю центра лицо нашей северной, совершенно оторванной от остального мира, жизни» [Там же, с. 103]. Автор описывает эти страшные реалии для установления коммуникаций, чтобы не просто познакомить читателя центра с северной повседневностью, а столкнуть и соединить абсолютно разные ментальности и образы жизни.

Путевой текст является одной из самых открытых форм выражения литературы факта, поэтому автор вступает в непосредственное общение с читателем, свободно излагая весь правдивый материал. Особенностью произведения является сохранение пограничного характера – между документальной литературой, этнографией и беллетристикой (фикшн и нон-фикшн).

В данном очерке мы встречаем сведения из статистики, естественных наук, сельского хозяйства, экономики, образования, политики регионов Севера, автор рассказывает о личных чувствах и мыслях, столкновениях со встреченными людьми. Наряду с географическими и экономическими описаниями появляются подробные этнографические характеристики, когда автор детально и точно описывает женские наряды, подчеркивая местные экзотические особенности: «Металлические украшения женщин-туземок поблескивают на солнце. Черное с красным, красное с белым, зеленое с желтым – узоры мехов туземцев – одулов, чуванцев и чукчей – украшают собравшуюся толпу» [Одулок, 1987, с.121].

Автор время от времени останавливает естественный ход повествования, связанный непосредственно с путешествием, вставляет в ткань своего произведения какое-либо умозаключение, замечание, историю, легенду, использует лирическое отступление и т.п. Так, он пишет: «Что касается самих географических карт, то научные центры составляли их по материалам, собранным случайно приезжавшими в Колымский край путешественниками. Эти путешественники большей частью ездили туда не только с “научными” целями, но и со специальными поручениями от генерал-губернаторов или крупных торговых фирм. Во время своих “экспедиций” они имели дело в основном с исправниками, купцами и духовенством. Из их рассказов они черпали свои материалы. Природой края не интересовались и с населением не сближались. Они ездили на парах и тройках в глухих меховых повозках. Понятно, что от таких горе-исследователей трудно было ожидать каких-либо серьезных научно-исследовательских материалов. Поэтому теперь приходится внести в прежнее географическое представление о Колымском крае ряд значительных поправок» [Там же, с. 96].

Таким образом, мы наглядно наблюдаем потенциал художественного текста в картографировании тех объектов, которые формируют образ территории, модель реального пространственного мира. Содержание травелога определяется тематикой и целью путешествия, выбранным маршрутом, способом передвижения, стилистическим описанием посещаемых мест.

Путевой очерк Тэки Одулока на «Крайнем Севере» представляет собой гибридное произведение, совмещающее признаки эпистолярного, художественного, географического, исторического, этнографического дискурсов. Были установлены следующие пространственные линии повествования: хронотоп самого путешественника (реакция на увиденное, факты личной биографии), хронотоп самого путешествия (событийный маршрут) и хронотоп исторический (историко-культурный контекст повествования). Становление жанра травелога в начале XX в., благодаря очерку Тэки Одулока, дает основание для исследования как топологического образа Крайнего Севера, так и формирования его пейзажных и портретных описаний, является примером организации документально-художественного нарратива в эпистолярной, дневниковой, мемуарно-биографической форме.

Литература

Абашев В.В., Фирсова А.В. План местности: литература как путеводитель // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – Вып. 4. – С. 98–104.

Гуминский В.М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. – М.: Ин-т мировой лит-ры им. А.М. Горького РАН, 2017. – 608 с.

Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. – СПб.: Алетейя, 2010. – 331 с.

Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Текст пространства. Фрагменты из словаря «Русская провинция» // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. – 2012. – № 2 (май-июнь 2012). – С. 42–60.

Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Русская культура в зеркале путешествий. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. – 176 с.

Одулок Т. На Крайнем Севере / Под полярными созвездиями. – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1987. – 432 с.

Осипова М.В. Н.И. Спиридонов-Тэки Одулок: забытые факты жизни (по материалам архива Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2017. – № 4 (21). – С. 24–31.

Пономарев Е.Р. Типология советского путешествия. Путешествие на Запад в литературе межвоенного периода: учеб. для вузов. – СПб.: СПбГУКИ, 2013. – 412 с.

Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы / под ред. Т.И. Печерской, Н.В. Константиновой; Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. – 462 с.

Сид И.О. Геопэтика. Пунктир к теории путешествий. Эссе, статьи, комментарии. – СПб.: Алетейя, 2017. – 176 с.

Сулейманов А.А. Этнографическое изучение юкагиров в первой половине XX в. // Исторические, фи-

лософские, политические и юридические науки. – 2014. – № 11 (49). – Ч. 2. – С. 149–152.

Текст и карта: Урал в травелогах конца XVIII – начала XX в. [Электронный ресурс]: // Пермский книгоед. Электронная краеведческая библиотека и все, что рядом...: сб. ст. / сост.: Е.Г. Власова, В.В. Абашев; Перм. гос. нац. исслед. ун-т; Лаб. Политики культурного наследия Перм. гос. нац. исслед. ун-та. – Пермь, 2016. – 185 с. – URL: perm-book.ru (дата обращения 03.02.2020).

Zh.V. Burtseva

Travel Essay of Teki Odulok “In the Far North”: the Problems of Genre and Literary Mapping

The article is devoted to the first travel essay of the initiator of Yukagir literature, Teki Odulok, “In the Far North”, which clearly shows the mapping function, as the text is written in the wake of a real journey that formed the early traditions of the geocultural description of the image of the Far North as a separate cultural and geographical region. This is one of the first experiences of documentary-artistic travel prose, compositionally built on the model of a travel diary, which allows us to characterize it as a genre form of travelogue.

For the first time, the article considers the features of the travelogue from the point of view of genre originality and as a unique source of information about the spatial images of territories, about the culture and life of the peoples of the North in various forms and manifestations (ethnographic, historical, social, value-philosophical, etc.). The observations made by the author during the trip are based on his own internal cultural traditions as a representative of the peoples of the North, which allows us to capture and fix the processes of space mythologization.

Keywords: travel essay, travel literature, travelogue, literary mapping, literature of small peoples of the North of Yakutia, Yukagir literature, image of the Far North, genre, image of space

